
**О некоторых особенностях
теоретических дискуссий о коммунизме в XXI веке
(размышления о книге Коммунизм. Антикоммунизм.
Русофобия / Авт. кол.: П.П. Апрышко и др.
М.: Мир философии: Алгоритм, 2019. – 495 с.)***

© 2020 г.   В.А. Гуторов^{1**}, А.А. Ширинянец^{2***}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Университетская набережная, д. 7–9.

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, ГСП-1, 119991, Ленинские горы, д. 1.

** E-mail: gut-50@mail.ru

*** E-mail: jants@yandex.ru

Поступила 02.03.2020

Статья посвящена анализу дискуссий, связанных с оценкой как идеологических последствий посткоммунистических трансформаций в современной России, так и особенностей интерпретации наследия Карла Маркса и коммунистической традиции в отечественном и международном философском и политическом дискурсах. В качестве базового текста выбран опубликованный издательством *Мир философии* в 2019 г. сборник статей и эссе ведущих российских философов и ученых, в которых анализируются многочисленные мифы и заблуждения относительно природы коммунистических идей и исторических особенностей реализации социалистического эксперимента в России. В статье представлена попытка сравнительного анализа отечественного опыта исследования эволюции коммунистической традиции с теми разнообразными дискуссиями, которые ведутся в Западной Европе и США уже на протяжении нескольких десятилетий. В контексте анализа представленных в сборнике текстов выделяются основные особенности полемики российских ученых с распространенной на Западе антикоммунистической риторикой и их аргументированной критики многовековых традиций русофобии, укоренившихся в западной политической культуре, начиная с XVIII в.

Ключевые слова: коммунизм, русофобия, идеология, антикоммунизм, посткоммунизм.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–64–74

Цитирование: Гуторов В.А., Ширинянец А.А. О некоторых особенностях теоретических дискуссий о коммунизме в XXI веке (размышления о книге Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия / Авт. кол.: П.П. Апрышко и др. М.: Мир философии: Алгоритм, 2019. – 495 с.) // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 64–74.

---

* Исследование выполнено Гуторовым В.А., Ширинянцем А.А. при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19–011–31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

**On Some Peculiar Properties
of Theoretical Discussions about Communism in the 21st Century
(Reflections on the Book *Communism. Anti-communism.
Russophobia* / Auth. Col.: P.P. Apryshko et al.
M.: World of Philosophy, Algorithm, 2019. – 495 p.)***

© 2020   Vladimir A. Gutorov ^{1**}, Alexander A. Shirinyants ^{2***}

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

² Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation.

** E-mail: gut-50@mail.ru

*** E-mail: jants@yandex.ru

Received 02.03.2020

The article is devoted to the analysis of discussions related to the assessment of both the ideological consequences of post-communist transformations in modern Russia, and the peculiarities of interpretation of the heritage of Karl Marx and the communist tradition in domestic and international philosophical and political discourses. As the base text the collection of articles and essays of leading Russian philosophers and scholars edited by the publishing house *World of Philosophy* was chosen. They seek to critically analyze numerous myths and misconceptions regarding the nature of communist ideas and the historical features of the implementation of the socialist experiment in Russia. The article presents an attempt to make a comparative analysis of the domestic experience of analyzing the evolution of the communist tradition with the various discussions that have been taking place in Western Europe and the USA for several decades. In the context of the analysis of the texts presented in the collection, the main features of the polemics of Russian scholars with anti-communist rhetoric widespread in the West and their reasoned criticism of the centuries-old traditions of Russophobia, rooted in Western political culture, dating back to the 18th century, are highlighted.

Keywords: communism, russophobia, ideology, anti-communism, political mythology, post-communism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–64–74

Citation: Gutorov, Vladimir A., Shirinyants, Alexander A. (2020) “On Some Peculiar Properties of Theoretical Discussions about Communism in the 21st Century (Reflections on the Book *Communism. Anti-communism. Russophobia* / Auth. Col.: P.P. Apryshko et al. M.: World of Philosophy, Algorithm, 2019. – 495 p.)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2020), pp. 64–74.

---

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project No. 19–011–31066 “Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory”.

Введение

Столетняя годовщина русской революции 1917 г. породила в научной литературе и публицистике огромное количество разноречивых интерпретаций, превзойдя в этом плане все предшествующие «юбилейные дискуссии», включая даже празднование столетия французской революции 1789 г. Сравнительный анализ теоретических споров, связанных с оценкой российского и французского революционного опыта вполне отчетливо свидетельствует о том, что время беспристрастного объективного анализа еще не наступило: вновь и вновь на передний план выступает насквозь тенденциозная дихотомия «*демократия против тоталитаризма и коммунизма*», постоянно провоцируя теоретические aberrации, граничащие с откровенным примитивизмом мысли. Например, в 2017 г., оценивая результаты посткоммунистических трансформаций конца XX – начала XXI вв., австралийский политолог Л. Холмс, автор популярных введений в изучение коррупции, коммунизма и посткоммунизма [Holmes 1997; Holmes 2009; Holmes 2015] отмечал: «В конце 1990-х гг., основываясь на мнениях представителей деловых кругов, Всемирный Банк назвал Содружество Независимых Государств самым коррумпированным регионом в мире, в то время как Центральная и Восточная Европа и страны Прибалтики, хотя и не в такой степени, но не так уж и сильно отставали... Многие аналитики, помимо прочих вещей, ссылались также на коммунистическое наследие, объясняя существование и устойчивость коррупции в таких посткоммунистических странах как Россия. При этом некоторые из аналитиков отмечали также потенциальное влияние Евросоюза в сдерживании коррупции и противодействии наследию коммунизма в тех посткоммунистических странах, которые стали его членами. Однако подчеркивалось, что сами условия их соревнования за вступление в него могут играть позитивную роль. Но в этом ли дело? Действительно ли посткоммунистические страны, принятые в Евросоюз, более способны к снижению уровня коррупции, чем другие посткоммунистические государства?» [Holmes 2017, 99–100].

Читая подобные рассуждения, как-то поневоле вспоминаешь слова смиренного магистра Бернарда Плюмилегуса из «Писем темных людей» У. фон Гуттена: «Несчастлива та мышь, у которой только одна норка» [Гуттен 1935, 54; ср.: Ghodsee 2017, XIX–XX].

На наш взгляд, именно в ракурсе обозначенных выше идейных коллизий следует рассматривать попытку авторов обсуждаемой работы внести свой вклад в преодоление многочисленных мифов и заблуждений относительно природы коммунистической идеологии и исторических особенностей реализации коммунистического эксперимента в России. Большинство ученых и публицистов, принявших участие в формировании оригинального содержания сборника «Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия», посвященного 150-летию со дня рождения В.И. Ленина [Коммунизм 2019], стремятся следовать весьма актуальному правилу, которое сравнительно недавно было прекрасно переформулировано Кристианом Тилеагэ в книге «Представляем коммунизм после его падения»: «Историческая память, связанная с переосмыслением коммунистического прошлого, в настоящее время практически неотделима от посткоммунистического философского и политического дискурсов. Хорошо известно, что вопрос – “что значит примириться с прошлым?” – один из самых запутанных вопросов в социальных науках... Когда этим прошлым является коммунистическое прошлое..., вполне допустимо начать с размышлений о политической морали, исследуя перспективы, методы и практики, которые обычно группируются под прикрытием термина “посткоммунистическая переходная справедливость”» [Tileagă 2018, 1].

В этом плане исключительно разнообразный по содержанию сборник, включающий в себя политическую публицистику, литературные эссе, аналитические статьи, социологические эскизы и полубиографические зарисовки, вполне может рассматриваться как несколько запоздалый, но все же яркий ответ на печально знаменитую коллаборационистскую речь, произнесенную Б.Н. Ельциным 17 июня 1992 г. в конгрессе США [Ельцин 1992 web].

О природе коммунистических режимов: характер и итоги дискуссии

Тематика представленных в сборнике материалов настолько полифонична, что свести воедино идеи и концепции их авторов в небольшой статье – задача практически невыполнимая. Поэтому в приоритетном порядке представляется вполне целесообразным акцентировать внимание не столько на различных трактовках авторским коллективом сложной проблемы эволюции концепции коммунизма в философии Маркса, сколько на постоянных попытках ученых в той или иной степени применить методологию раннего и зрелого марксизма для анализа именно советских и постсоветских реалий.

В сборнике выдвигаются два исходных тезиса, которые, на наш взгляд, крайне трудно примирить друг с другом. Первый тезис сформулирован в статье С.Н. Мареева «Теория коммунизма К. Маркса», с которой (по-видимому, не случайно) начинается сборник. Автор делает вывод о том, что, в полном соответствии с теорией Маркса, в полуфеодальной России начала XX в., в которой частная собственность не могла «исчерпать себя», в результате политического переворота, уничтожившего традиционные элиты и формы собственности, могла возникнуть только грубая форма «государственного номенклатурного капитализма», завершившаяся в 1990-е гг. «номенклатурно-бюрократической приватизацией», последствия которой в настоящее время предсказать трудно [Коммунизм 2019, 15–16]. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: было ли данное объективное обстоятельство главной причиной, по которой СССР проиграл Западу «холодную войну» и вслед за этим распался?

Противоположный тезис был следующим образом обозначен в статье П.П. Апрышко «Советский социализм: по Марксу, Ленину, Сталину?»: «...Оттягивание осуществления необходимых реформ привело к снижению темпов развития страны. В итоге удовлетворение постоянно растущих потребностей людей на практике оказалось далеко не полным. Все это рождало недовольство людей, уставших от ожиданий, от невыполненных властью обещаний. По сути, руководство КПСС, Советского государства допустило стратегический просчет, взяв фактически за образец образ жизни, сложившийся в странах Запада, вместо того чтобы сделать ставку на максимально полное использование возможностей развития человеческого капитала, открываемых планированием народного хозяйства и общественными фондами потребления. Не похоже, что социализм органически несет в себе заведомое отставание в экономике, технологиях. Скорее, речь должна идти о стратегических ошибках руководства Советского Союза. Его распад был результатом кризиса сложившейся системы управления государством, страной, но не самого общественного строя» [Там же, 71–72].

Выдвинув утверждение, согласно которому «советская модель социализма и сталинская модель социализма – в сущности одно и то же» [Там же, 81], П.П. Апрышко сам называет одну из главных причин ее неэффективности и прогрессирующей коррозии и распада: «Коммунистические режимы и были идеократиями и в том смысле, что идеологическая самоидентификация с коммунистическими идеями и марксистским наследием служила на протяжении десятилетий важнейшей формой политической легитимизации режимов. Всеобщее разочарование в коммунистической идеологии, явно противоречащей экономическим и политическим реалиям – главная причина того, что в момент кризиса страну практически никто не стал защищать – армия, госаппарат перешли на службу победителям» [Там же]. Тем не менее, автор статьи убежден в том, что «строй, созданный в Советском Союзе в сталинский период, нельзя охарактеризовать иначе как социалистический. В самом деле, в стране была установлена общественная (государственная) собственность на средства производства, устранена эксплуатация, ликвидировано политическое господство буржуазии, введен принцип распределения по труду, создана новая классовая структура, состоящая исключительно из трудящихся, экономическое и социальное развитие страны осуществлялось в интересах всего общества, всех граждан. Все это – неотъемлемые атрибуты социализма, сформулированные в трудах Маркса, Энгельса, Ленина» [Там же, 80].

В конечном итоге, выводы обоих авторов оказываются почти тождественными: независимо от того, именовать ли просуществовавшую до начала «перестройки» сталинскую модель «государственным номенклатурным капитализмом» или же «аутентичной формой социализма», созданного в СССР в полном соответствии с идеями классиков марксизма, ее неэффективность в историческом плане очевидна. Остается только уповать на жизненность коммунистической идеи как таковой. Именно это и делают в предисловии к сборнику его составители: «Если судить только по названию книги, может сложиться впечатление, что она представляет собой запоздалое эхо довольно отдаленного времени, когда критика антикоммунизма была атрибутом всех учебных программ по общественным наукам и одним из основных направлений государственной пропаганды. Однако такое впечатление будет ошибочным. Предлагаемая книга, по сути – о нынешнем этапе истории, попытка понять его содержание и направленность в свете исторического опыта, взятого во всей его полноте... Мир проходит через этап, когда человечество начинает понимать, что распад Советского Союза, ликвидация социалистического строя в государствах Восточной Европы не означает, что история вынесла суровый и окончательный приговор коммунизму. Об этом говорит, прежде всего, тот факт, что социализм присутствует в современном мире и чувствует себя вполне удовлетворительно. Имеются в виду, в первую очередь, Китайская Народная Республика и Социалистическая Республика Вьетнам» [Коммунизм 2019, 5–6].

Коммунистическая идея в современном международном контексте

Несмотря на открытое стремление издателей и большинства авторов сборника апеллировать к международным реалиям, следует сразу отметить некоторую «эндогамность» их аргументации и ее несомненный отрыв от современных дискуссий, ведущихся в мировой научной литературе. Например, обозначенный выше анализ советской модели социализма осуществляется без учета важных философских аспектов «бесконечного спора среди левых относительно природы Советского Союза», начавшегося со второй половины XX в. [Thebom 1978, 147], который в дальнейшем вышел за пределы левого идеологического спектра и породил огромную по масштабам и последствиям теоретическую дискуссию, инициированную на рубеже 1950–1960 гг. (P. Арон, Ж. Эллюль) и продолжающуюся вплоть до наших дней [Zimmermann, Werner 2013, 203; Musacchio, Lazzarini 2014, 2–4, 283–290; см. также: Buchwalter 2015].

То же самое можно заметить и в отношении актуальных теоретических интерпретаций коммунизма в современном мире. Они гораздо разнообразнее содержания рецензируемого сборника и по количеству затрагиваемых сюжетов, и в плане методологии. Сегодня в западной науке и философии, при всем внешнем многообразии интерпретаций коммунизма и марксизма, по-прежнему доминируют два основных подхода. Сторонники первого подхода, становящегося все более ретроградным, отталкиваются от тезиса о «тоталитарной сущности коммунизма», акцентируя внимание преимущественно на сталинском терроре и многочисленных мифах, должествующих подтвердить «преступный характер» советской системы. Своеобразным апофеозом данного направления стала «Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии», изданная в конце XX в. [Werth, Panne, Paczkowski, Bartosek, Margolin, Kramer, Murphy 1999; см. также: Коммунизм 2019, 125]. Критика коммунистических идей нередко сопровождается попытками их противопоставления философскому наследию Маркса. Так, комментируя подобные тенденции, Д. Бенсайд вполне справедливо отмечал: «Сегодня Маркс является субъектом коллоквиумов и семинаров, он даже включен в престижное собрание «Плеяда», публикуемое издательством Галлимар. Он увековечен в академической традиции и публикациях, и его будущее представляется обеспеченным. Коммунизм – совсем другое дело. Само это слово представляется навеки связанным с бюрократическими преступными деяниями,

совершенными от его имени. Как будто бы христианство должно отождествляться исключительно с инквизицией, преследованиями и насильственными обращениями» [Bensaid 2009, X].

Однако гораздо большее влияние в академической науке приобретает другой, инновационный подход, вполне соответствующий по своей направленности идейным ориентациям большинства авторов обсуждаемого сборника. Современные западные аналитики постоянно пытаются ответить на вопрос – почему, несмотря на утопизм, «несовместимость с природой человека», «историческую обреченность» и т.д., социалистические режимы в Европе, Азии и Латинской Америке на протяжении многих десятилетий демонстрировали живую динамику, «эластичность» и способность приспосабливаться к разнообразным политическим «повесткам дня» [Kemp 2016; Dimitrov 2013]. Новая коммунистическая терминология появляется на Западе и на Востоке – «кибернетический коммунизм», «герменевтический коммунизм» и даже японский «конкурентоспособный коммунизм» [Barbrook, Cameron 2015; Vattimo, Zabala 2011; Kenrick 1988].

Причины столь знаменательного поворота западной академической науки и философии к коммунистической проблематике вполне очевидны. Об этом хорошо сказал М. Мейкин-Уэйт в своей работе «Коммунизм и демократия»: «Многое изменилось с тех пор, как идеологи американского господства провозгласили в 1989 г. “конец истории”. В то время, когда Советский Союз находился на грани краха, тезис Фрэнсиса Фукуямы о том, что отныне либеральный капитализм устанавливает пределы любых социальных возможностей, пользовался широким влиянием и с неохотой принимался даже многими из тех, кто его не приветствовал. Однако теперь ландшафт наполнен новыми возможностями для радикального изменения. Они представляют собой ответ на характер развития, свойственный интервенционистскому периоду возродившегося капитализма, результатом которого стало увеличение бедности, нищеты и конфликтности, а также возрастание опасности экологической катастрофы. Доминирование и расширение неолиберальной экономики за последние двадцать пять лет привели к углублению неравенства, ослаблению институтов западной демократии» [Makin-Waite 2017, 1; ср.: Pons, Smith 2017, XVII; Fürst, Pons, Selden 2017, 19].

Параллельно происходит и в высшей степени показательный сдвиг в академической западной философии. Вот как, например, философы С. Мадзини и О. Глинн-Уильямс разъясняют «основную интенцию» авторов сборника статей «Делаем коммунизм герменевтическим»: «Некоторые рассматривают это как преступление, другие используют данное название в оскорбительном смысле. В западном мире коммунизм обычно рассматривается как авторитарная, изношенная политическая система, которая рухнула вместе с камнями берлинской стены. В рамках такого представления то, что по всему миру продолжает называться коммунизмом и развивается в многообразных вариантах в различных странах, воспринимается многими политиками и массмедиа как своего рода старомодный призрак. Возможно, им неведомо, что именно в такой форме коммунизм проявился много лет назад или, если выражаться лучше, принялся бродить по Европе после выхода в свет в 1848 г. *Манифеста* Маркса. Однако необходимо сказать, что интеллектуалы такого калибра, как Негри, Жижек, Бадью и Рансьер все еще объявляют коммунизм единственной остающейся надеждой для изменения господствующей ныне политической, экономической и социальной системы, защитным средством, способным предоставить равные возможности для большинства населения, того самого большинства, которое все еще отстранено от власти и благосостояния. Не только знаменитая трилогия Хардта и Негри (*Империя, Множество, Сообщество*), но также сборник эссе мыслителей левого направления, названный *Идея коммунизма* (2010), являются значимыми примерами того влияния, которым данное понятие обладает в современных дебатах. По счастливому совпадению содержащийся в нем крайне оригинальный и инновационный проект был опубликован в 2011 году в тот самый момент, когда впервые себя проявило движение “Захватим Уолл-стрит”» [Mazzini, Glyn-Williams 2017, XIII].

О русофобских истоках антикоммунизма

Необходимость подробного цитирования научных и философских текстов, приведенных выше, оправдана, прежде всего, тем, что они, на наш взгляд, весьма отчетливо противостоят не только распространенной на Западе антикоммунистической риторике, но, как это ни парадоксально, и многовековым традициям русофобии, укоренившимся в западной политической культуре. Именно русофобия продолжила сюжетную линию, обозначенную дихотомией «коммунизм-антикоммунизм», и стала приоритетным объектом исследования у многих авторов анализируемого сборника. В большинстве представленных в нем статей западная русофобская традиция определяется преимущественно как совокупность политических и идеологических факторов, стимулирующих процессы консолидации тех политических группировок, которые, используя традиционные антикоммунистические лозунги, активно противодействуют обозначившемуся в начале XXI в. стремлению современного российского руководства к проведению суверенной, независимой от Запада политики. В этом плане, как отмечают редакторы сборника, «антикоммунизм, если вдуматься, – это не только конфликт идеологий, противостояние общественных систем, но и категорическое неприятие Западом самого существования России, ее присутствия в мире в качестве самостоятельного государства. Ослабление и подчинение России, разрушение идентичности русских как государствообразующего народа, установление контроля над российской территорией и ресурсами – в этом геополитический, сущностный смысл русофобии» [Коммунизм 2019, 10, 11; ср.: Ищенко 2019 web; Гуроров, Ширинянц, Шутов 2018; Mettan 2017, 16].

И редакторы, и авторы сборника – И.А. Гобозов, В.С. Бушин, А.А. Проханов, С.Г. Арутюнян, В.М. Легостаев, А.А. Фефелов, А.И. Фурсов, А.А. Зиновьев в своих статьях уделяют основное внимание, прежде всего, идейному противодействию обозначенным выше русофобским тенденциям, исследуя и разоблачая компрадорскую политику Горбачева и Ельцина, колониальный характер которой в наши дни постоянно подтверждается с каждой публикацией новых документов [см.: Коммунизм 2019, 145 сл., 191 сл., 209 сл., 233 сл., 256 сл., 278 сл., 310 сл., 327 сл.; см. также: Бешлосс, Тэлботт 2010]. Но при этом нередко на заднем плане остается не только анализ принципиально важных многообразных исторических, политических и теоретических аспектов русофобской политики и идеологии, но и не менее актуальный вопрос об истоках и принципиальных особенностях русофобии по сравнению с другими политическими и культурными «фобиями».

В широко известной американской «Энциклопедии фобий, страхов и тревог» русофобия определяется как «страх перед Россией, русским языком и вещами, имеющими отношение к русской культуре» [Doctor, Kahn, Adamec 2008, 422]. Хотя, по странному сочетанию филологических обстоятельств и методологических предпочтений авторов энциклопедии, статья «руссофобия» попала в своеобразную «вилку», оказавшись между «рупофобией» (страхом перед грязью) и «иофобией» (страхом перед ржавчиной), ее определение абсолютно ничем не отличается от определений англофобии, германофобии и японофобии [Ibid., 218, 251, 308]. Нет никаких сомнений в том, что, если бы авторы этой энциклопедии включили в свое издание соответствующие статьи об антисемитизме (юдофобии), исламофобии, американофобии (антиамериканизме) или еврофобии (антиевропеизме), перевод был бы аналогичным или же мало отличался от близких по смыслу толкований этих терминов, представленных в современной аналитической литературе [см.: Renton, Gidley 2017; Stoetzler 2014; Bell 2018; Bayrakli, Hafez 2019; O'Connor, Griffiths 2006; Chiozza 2009; Hollander 2009; Judt, Lacorne 2005 и др.].

Вместе с тем, в отличие, например, от исследований антиамериканизма, в большинстве современных аналитических исследований русофобии как исторических, так и философских, и политологических, именно политика всегда выступает на передний план. Например, уже в ранней работе Д. Глисона «Рождение русофобии в Великобритании» (1950) специально подчеркивалось: «Русофобия представляется парадоксом

в истории Великобритании. Внутри Соединенного Королевства с начала XIX века развивается антипатия к России, которая вскоре становится наиболее явным и постоянным элементом, характеризующим национальный взгляд на внешний мир... Почему же русофобия стала столь устойчивым британским чувством?.. Как представляется, англо-русская враждебность была результатом соперничающих имперских амбиций, которые в XIX веке трансформировались в соседство в колониальном мире двух держав, находившихся до этого весьма далеко друг от друга» [Gleason 1950, 1; ср.: O'Connor, Griffiths 2006, 1].

Модификации в толкованиях стали возникать только тогда, когда Россия в лице Б.Н. Ельцина объявила в Вашингтоне о завершении своей имперской миссии. Разумеется, политика осталась, но к ней прибавилось презрение, смешанное с реликтовыми страхом и враждебностью. Как отмечает А.П. Цыганков, «хотя постсоветская Россия в 1990 г. находилась в весьма плачевном состоянии – обнищавшее население, разрушенная экономика, руководители, отчаянно жаждавшие западных советов и поддержки, лобби беспокоила перспектива возрождения страны. Русофобия становится концентрированным выражением этой озабоченности... В данном случае русофобия может пониматься как страх перед политической системой России, которая представляется несовместимой с интересами и ценностями Запада в целом и США в частности» [Tsygankov 2009, 14; ср.: Коммунизм 2019, 327].

Но проблема, разумеется, должна ставиться еще шире. В наши дни русофобия в международном плане уже давно вышла за пределы англо-саксонского ареала и приобретает глобальный характер. Вместе с тем она отнюдь не является единственной в своем роде. В едином «мизантропическом списке» русофобия уже несколько десятилетий занимает одну из первых строк вместе с исламофобией, антисемитизмом и антиамериканизмом. Долгое время считалось, что исламофобия является характерной чертой исключительно современной западной политической культуры. Так, характеризуя французскую внутреннюю политику после теракта в редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо», Дж. Рентон и Б. Гидли в 2017 г. в предисловии к сборнику статей «Антисемитизм и исламофобия в Европе: история на пах?» утверждали: «... Имеется враг, которого французское правительство и его партнеры считают гораздо более опасным и значимым, чем антисемитизм – мусульманский враг... Значение антисемитизма тускнеет перед лицом этого врага... Такое развитие во Франции приобретает характер глобального процесса, который всерьез развернулся уже после атак на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г.» [Renton, Gidley 2017, 3–4].

Однако новейшие исследования рисуют уже совсем иную картину, имеющую, как это ни парадоксально, прямое отношение к посткоммунистической России. Например, Э. Байракли и Ф. Хафез, редакторы сборника статей с весьма характерным названием «Исламофобия в обществах, где мусульмане составляют большинство», следующим образом разъясняют данный парадокс: «В последнее десятилетие исламофобия во многих исследованиях изучалась на примере западных обществ, в которых мусульмане составляют меньшинство. При этом оставалась в пренебрежении сама мысль о том, что мусульманские общества могут стать “горячими точками” исламофобии. Одной из причин такого положения был тот очевидный факт, что мусульмане во всех этих странах представляют большинство населения. Но может ли исламофобия вообще быть объяснена исключительно на основе отношения – большинство/меньшинство? Данная книга показывает, каким именно образом анти-мусульманский расизм играет значительную роль в обществах, населенных преимущественно мусульманами и активно проявляется в публичной политике мусульманских стран, в их государственной идеологии, отношениях масс и элит, а также в ориентациях массмедиа. Тем самым исламофобия определяет не только отношения между различными видами большинства и меньшинства (как это можно наблюдать в западных обществах), но и гораздо более специфическим образом формирует отношение власть имущих к безвластным. В то время как это отношение часто проявляется в антагонизме вестернизированных мусульманских элит и консервативных мусульманских масс, исламофобия

в форме эпистемического расизма обретает существование по большей части внутри исламских дискурсов, основой которых является евроцентричный взгляд на мир. Поэтому можно утверждать, что исламофобия в мусульманском мире и исламофобия на Западе имеют аналогичные идеологические и эпистемологические корни» [Bayrakli, Hafez 2019, 1].

Заключение

Сам факт, что все обозначенные выше актуальные сюжеты не стали объектом внимания редакторов и авторов анализируемого сборника, разумеется, не уменьшает его эвристической ценности. Количество затронутых в нем проблем и без того достаточно велико. В целом, материалы сборника позволяют проследить одну из интересных тенденций в социально-философском и политическом дискурсе: от формационного к цивилизационному подходу.

Исходные тезисы отражают логику формационного подхода, который (при всей диалектичности, спиралевидности и т.п.) все же задает однонаправленный вектор социальной динамики, в русле которой коммунизм оказывается этапом развития, характеризуемым универсальным набором параметров и характеристик. Соответственно, наложение его на фактический материал предопределяет логику оценки реалий идеальной модели и попыток объяснить причины несоответствия этих реалий данному идеалу. Отсюда дискуссии о «подлинности»/«неподлинности» коммунизма. Такая оптика делает возможными два типа объяснения: 1) причина несоответствия – нарушение «идеального» процесса перехода от одной формации к другой (неполное развитие предыдущей стадии и преждевременность перехода влечет за собой пороки недоразвитости); 2) ссыла на субъективный фактор, который «испортил и извратил» либо по неразумению, либо по злой воле, идеальную модель. В сборнике представлены оба варианта с развернутой аргументацией.

Сдвиг от антикоммунизма к русофобии – не просто смена аргументации или перестановка акцентов, а смена парадигмы: ведь в логике формационного подхода коммунизм не связан с определенной нацией, это общеисторический, универсальный этап развития человечества. Акцент на то, что определенный социо-политический порядок возник, существовал именно в России и приписывание России и русским чуть ли не эксклюзив на производство тоталитарного коммунистического дискурса, это как раз цивилизационная оптика. В соответствии с ней признается специфика отдельных нацио-социо-культурных сообществ и несводимость их друг к другу. Поэтому в этой оптике за коммунизм (как бы его ни понимать) можно назначить ответственным какую-то определенную цивилизацию – и почему бы не Россию, раз она себя позиционировала как коммунистическую. В этой логике вопрос ставится не о подлинности или неподлинности реального положения дел идеальной модели, а о схожести или несхожести цивилизаций по параметрам, признаваемым значимыми. Отсюда дискуссии о том, 1) какие «параметры» определяют предрасположенность к тому или иному режиму и 2) может ли коммунизм – тоталитаризм – демократия прижиться в «чуждых» цивилизационных условиях. Собственно, логика русофобской аргументации, которая в материалах сборника представлена в качестве объекта анализа, определяется ответом на эти два вопроса.

К этому можно добавить замечание о стремлении многих современных авторов как в России, так и за рубежом, дистанцироваться, «обезопасить» себя от различного рода обвинений в «тенденциозности» и т.п., когда они тоталитарный режим приравнивают к коммунизму, но при этом лишают коммунизм универсализма (отходят от формационного подхода) и соотносят с российской цивилизацией, изыскивая в ее характеристиках черты, корреспондирующие с параметрами тоталитаризма.

Все это позволяет утверждать, что большинство высказанных в сборнике идей и суждений актуально и в равной степени является достоянием как отечественного, так и мирового политико-философского дискурса.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Гуттен 1935 – Гуттен У. фон. Письма темных людей. 1515–1517. М.; Л.: Academia, 1935 (*Epistolæ Obscurorum Virorum*. 1515–1517, Russian translation).

Ельцин 1992 web – Ельцин Б.Н. Выступление в Конгрессе США: «Господи, благослови Америку! И Россию» (17.06.1992). URL: <https://mediamera.ru/post/25615> (Eltsyn B. *Congressional Speech*, in Russian).

Коммунизм 2019 – Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия / Авт. кол.: П.П. Апрышко и др. М.: Мир философии: Алгоритм, 2019 (*Communism. Anti-communism. Russophobia*, In Russian).

Primary Sources

Gleason, John H. (1950) *The Genesis of Russophobia in Great Britain*, Harvard University Press, Cambridge.

Kenrick, Douglas M. (1988) *The Success of Competitive-Communism in Japan*, Macmillan Press, Houndmills, Basingstoke & London.

Therborn, Göran (1978) *What the Ruling Class Do When It Rules? State Apparatuses and State Power under Feudalism, Capitalism and Socialism*, NLB, London.

Ссылки – References in Russian

Бешлосс, Тэлботт 2010 – Бешлосс М., Тэлботт С. Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2010.

Гуторов, Ширинянец, Шутов 2018 – Гуторов В.А., Ширинянец А.А., Шутов А.Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. Т. 10. № 4. С. 132–141.

Ищенко 2019 web – Ищенко Р. Бессмысленная русофобия. URL: https://actualno.com/blog/43631274467/Rostislav-Ischenko.-Bessmyslennaya-rusofobiya?mid=F00B1EB226C3DAB6734BAB28C52C495E&utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&pa id=1&pad=1

References

Barbrook, Richard, Cameron, Andy (2015) *The Internet Revolution: From Dotcom Capitalism to Cybernetic Communism*, Network Notebooks, Amsterdam.

Bayrakli, Enes, Hafez, Farid (eds.) (2019) *Islamophobia in Muslim Majority Societies*, Routledge, London, New York.

Bell, Dorian (2018) *Globalizing Race: Antisemitism and Empire in French and European Culture*, Northwestern University Press, Evanston, Illinois.

Bensaid, Daniel (2009) *Marx for Our Times: Adventures and Misadventures of a Critique*, Transl. by Gregory Elliott, Verso, London, New York.

Beschloss, Michael, Talbot, Strobe (2010) *Treason in the Kremlin. Protocols of Gorbachev's Secret Agreements with the Americans*, Algoritm, Moscow (in Russian).

Buchwalter, Andrew (2015) *Hegel and Capitalism*, Suny Press, Albany.

Chiozza, Giacomo (2009) *Anti-Americanism and the American World Order*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore.

Dimitrov, Martin K. (2013) *Why Communism Did Not Collapse: Understanding Authoritarian Regime Resilience in Asia and Europe*, Cambridge University Press, New York.

Doctor, Ronald M., Kahn, Ada P., Adamec, Christine A. (2008) *The Encyclopedia of Phobias, Fears, and Anxieties*, Facts on File, New York.

Fürst, Juliane, Pons, Silvio, Selden, Mark (eds.) (2017) *The Cambridge History of Communism: Vol. III. Endgames? Late Communism in Global Perspective. 1968 to the Present*, Cambridge University Press, Cambridge.

Ghodsee, Kristen (2017) *Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century Communism*, Duke University Press Books, Durham.

Gutorov, Vladimir A., Shirinyants, Alexander A., Shutov, Andrey Y. (2018) Two Civilizations: The Relations of Russia and Western Europe at the Beginning of the 21st Century, *Baltic Region*, Vol. 10, No. 4, pp. 132–141 (in Russian).

Hollander, Paul (2009) *The Only Superpower. Reflections on Strength, Weakness, and Anti-Americanism*, Lexington Books, Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth.

Holmes, Leslie (1997) *Post-communism: An Introduction*, Duke University Press, Durham.

- Holmes, Leslie (2009) *Communism: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford.
- Holmes, Leslie (2015) *Corruption: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford.
- Holmes, Leslie (2017) "Curbing Post-Communist Corruption: External Pressure vs. Domestic Commitment. Introduction", M.S. Fish, G. Gill, M. Petrovic (eds.), *A Quarter Century of Post-Communism Assessed*, Palgrave Macmillan. Cham, Switzerland, pp. 99–126.
- Ishchenko, Rostislav (2019) "Senseless Russophobia", URL: https://actualno.com/blog/43631274467/Rostislav-Ischenko.-Bessmyislennaya-rusofobiya?mid=F00B1EB226C3DAB6734BAB28C52C495E&utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1 (in Russian).
- Judt, Tony, Lacorne, Denis (eds.) (2005) *With Us or Against Us. Studies in Global Anti-Americanism*, Palgrave Macmillan, New York.
- Kemp, Simon (2016) *Was Communism Doomed? Human Nature, Psychology and the Communist Economy*, Palgrave Macmillan, New York.
- Makin-Waite, Mike (2017) *Communism and Democracy. History, Debates and Potentials*, Lawrence & Wishart Ltd., London.
- Mazzini, Silvia, Glyn-Williams, Owen (eds.) (2017) *Making Communism Hermeneutical: Reading Vattimo and Zabala*, Springer, Cham, Switzerland.
- Mettan, Guy (2017) *Creating Russophobia: From the Great Religious Schism to Anti-Putin Hysteria*, Clarity Press, Inc., Atlanta, GA.
- Musacchio, Aldo, Lazzarini, Sergio G. (2014) *Reinventing State Capitalism. Leviathan in Business, Brazil and Beyond*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London.
- O'Connor, Brendon, Griffiths, Martin (eds.) (2006) *The Rise of Anti-Americanism*, Routledge, London, New York.
- Pons, Silvio, Smith, Stephen A. (eds.) (2017) *The Cambridge History of Communism. Vol. 1. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Renton, James, Gidley, Ben (eds.) (2017) *Antisemitism and Islamophobia in Europe: A Shared Story?*, Palgrave Macmillan, London.
- Stoetzler, Marcel (ed.) (2014) *Antisemitism and the Constitution of Sociology*, University of Nebraska Press, Lincoln, London.
- Tileagă, Cristian (2018) *Representing Communism after the Fall: Discourse, Memory, and Historical Redress*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Tsygankov, Andrei P. (2009) *Russophobia Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*, Palgrave Macmillan, New York.
- Vattimo, Gianni, Zabala, Santiago (2011) *Hermeneutic Communism. From Heidegger to Marx*. Columbia University Press, New York.
- Werth, Nicolas, Panne, Jean-Louis, Paczkowski, Andrzej, Bartosek, Karel, Margolin, Jean-Louis, Kramer, Mark, Murphy, Jonathan (1999) *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London.
- Zimmermann, Jochen, Werner, Jörg (2013) *Regulating Capitalism? The Evolution of Transnational Accounting Governance*, Palgrave Macmillan, New York.

Сведения об авторах

ГУТОРОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ШИРИНЯНЦ Александр Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

GUTOROV Vladimir A. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University.

SHIRINYANTS Alexander A. – DSc in Political Sciences, Professor, Head of the Department of History of Social and Political Doctrines of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.